

В золотой скале открылась поднимающаяся перегородка, которая оказалась совсем немного больше диаметра маглева, и мчавшаяся капсула продолжила движение по широкому молитвеннику из полированной стали и сверкающего хрома. Многочисленные асинхронные рельсы вели к помосту, где несколько тихо гудящих маглевок уже стояли у конечной станции.

Вверху возвышались арочные балки, они казались нелепо тонкими, чтобы поддерживать такой грандиозный потолок. Своды и кессоны из золота и адамантия, и нарисованные яркими красками величественные произведения искусства рассказывали историю Механикус с эмоциональным артистизмом, который шёл вразрез с тем, что Робаут знал о Духовенстве Марса. Между мозаичными витражами стояли статуи, не уступавшие высотой богам-машинам, они располагались по сторонам шестиугольных плит, которыми вымостили пол, а по нему ветвились линии электропередачи.

Электричество — кровь, энергия — жизненная сила.

Их ожидали три транспорта. Два оказались высокими седанами на шести шарнирных конечностях, с узкими креслами, напоминавшими троны. Ими управляли искусно изготовленные сервиторы с бронзовой кожей, подключённые кабелями к корме машин. Третий представлял собой громоздкий бронированный транспорт на повсеместном шасси “Носорога”, только увеличенный и ошетилившийся оружием станками, странными антеннами и многочисленными блистерными коробками неизвестного назначения. Корпус улучшенного “Носорога” украшал такой же символ с черепом и молнией, что и нагрудники скитариев.

— Впечатляюще, — произнёс Робаут, вытягивая шею, чтобы лучше рассмотреть позолоченные мозаики и яркие фрески. — Не думал, что украшения не чужды Механикусу.

— Мы осознаём необходимость время от времени демонстрировать статус, — объяснил Блейлок. — Никогда не помешает напомнить остальным, что Адептус Механикус — неотъемлемая и важнейшая часть Империи с долгой и благородной историей. Всем мы — шестерёнки в Великой Машине, капитан Сюркуф.

— Но некоторые шестерёнки ровнее других, да?

— Строители “Сперанцы” принадлежали к другой эпохе, когда подобная показная роскошь считалась нормой.

— Таким я представлял Дворец Императора, — сказал Адара.

— Весь этот корабль — дворец, храм Богу Всех Машин, — ответил Блейлок, переключив внимание на молодого человека. — Его полёт — акт богослужения, его существование — демонстрация веры и верности. Служить на борту столь священных уз с прошлым всё равно, что лично общаться с Омниссией.

— Поразительно, — произнесла Павелька. — Для нас это большая честь.

— Видел я и грандиознее, — сказал Эмиль. — Храм Исправления... вот это архитектура.

— Архитектура? Я говорю не о физическом сооружении, — возразила Павелька, очарованная увиденным.

— Тогда о чём?

Павелька недоумённо посмотрела на первого помощника, прежде чем вспомнила, что ни Робаут, ни Эмиль не могли видеть ноосферные потоки информации, если не подключены к инфомашинам “Ренарда”.

— Воздух полон знаний, — сказала она. — Они повсюду вокруг нас, потоки изобретений и водопады священных алгебраических построений. История, квантовая биология, галактическая физика, химия чёрных дыр, мономолекулярное проектирование, фрактальные алгоритмы, биомеханика... Ты можешь потратить десять жизней и узнать только часть того, что содержится здесь.

— Если хотите, я могу подсчитать, сколько понадобится времени, чтобы обработать всё это, — предложил Блейлок.

— Если хотите, я могу подсчитать, сколько понадобится времени, чтобы обработать всё это, — предложил Блейлок.

— Спасибо, но я буду счастлив, если это останется замечательной тайной, — ответил Робаут, поднимаясь в седан и устрояясь на одном из тронов. — Мы едем? Мы же не хотим заставлять архимагоса ждать?

— Разумеется, — согласился Блейлок, забравшись внутрь слегка изменённой походкой, которая указывала, что какую бы форму передвижения он не использовал, она не была биологической. Эмиль и Адара присоединились к ним, втащив стазисный сундук, в то время как магос Тихон, госпожа Тихон, Павелька и Силквуд заняли вторую машину. Воины-скитарии сели в усовершенствованный “Носорог” и оружейные станки плавно покачнулись, когда рампы лязгнули, закрываясь.

Без слышимой команды седаны набрали максимальную высоту и начали движение вдоль арочного молитвенника. Их полёт напоминал путешествие на океанском судне, которое слегка покачивалось во время прилива, и Робауту понравился величественный характер такого транспорта. Они миновали позолоченные статуи почтенных магосов, и Блейлок услаждал пассажиров их личностями и достижениями.

Вот магос Озимандиан, обнаруживший часть СШК на Бета Умоджас, что привело к изменению парадигмы на пять процентов. Напротив него — или неё, это было трудно сказать — возвышался магос Латтир, чьи археологические изыскания в атомных пустошах Нео Александрии привели к обнаружению бинарных записей первой алгоритматрицы. Латтир

стоял плечом к плечу со стоической фигурой магоса Циммена, создателя гексаматической геометрии. Эмиль и Адара быстро потеряли интерес, но Робаут продолжал изображать внимание, пока они, покачиваясь, приближались к отвесной стене в дальнем конце молитвенника. Под углом к ним располагался, напоминавший часть стороны гигантской закопанной пирамиды, грандиозный портал из матовой дымчатой стали, высоты которого легко хватило бы, что пропустить даже самую большую военную машину, а ширины для танковой роты.

На его поверхности работало ещё больше зубчатых колёс и шестерёнок, но они имели не только символическое значение и начали вращаться с бесперебойной точностью, когда створки дверей стали медленно открываться наружу. Изнутри вырвались насыщенные маслами пары и тихий гул бинарных гимнов. Робаут ничего не сумел разобрать, но ритмичный машинный язык оказался странно успокаивающим.

— Адамантиевый Киворий, — произнёс Блейлок, объясняя, что перед ними одновременно и бинарным кодом и человеческим голосом. — Архимагос Котов ждёт.

Колоссальные шаги “Луны Капиталины” были выверенными и точными, их контролировал мудрый холодный разум, отточенный в ста тридцати боях машин, включая девятнадцать против разнообразных титанов всевозможного тоннажа. Альфа-принцепс Арло Лют, Зимнее Солнце плавал в молочно-белой жидкости, свернувшись в позу эмбриона, его кожа была бледной, как у призрака и морщинистой, как у недоношенного ребёнка. Из разделённого пополам туловища тянулись многочисленные имплантаты, серебряный призрачный хвост подключался прямо к основанию позвоночника и позволял управлять приводными механизмами рук и ног титана.

Его глаза давно стали катарактами, которые зашили и соединили при помощи нейронной связи с комплексами топографов и ауспиков, размещавшихся на зубчатой короне “Капиталины”. Она смотрела взглядом хищника, опытного охотника с обжигающим маслом вместо крови, который безошибочно замечал слабости добычи. Её окружали тысячи поющих техножрецов и облачённых в мантии аколитов, наряду с огромными топливозаправщиками, транспортами с боеприпасами и сотнями машин, необходимых, чтобы снабжать бога-машину на поле боя. Палубные священники стали её экипажем поддержки и прихожанами, истово верующие явились, дабы приветствовать живое воплощение своего бога на борту “Сперанцы”.

Пение бинарных приветственных гимнов гремело из вокс-труб в сводчатом потолке, а медленно покачивающиеся курильницы размером со средний танк создавали облачную завесу ароматических масел, которые капали на палубу дождём смазки. Такой встречи удостаивались только самые могучие воплощения Бога Машины, и хоровое скандирование боевых отличий легио и героя-принцепса эхом разносилось по всему ангару в повторяющемся алгоритмическом цикле.

У Люта не было времени наслаждаться их лестью, но он и не игнорировал её.

Лучше всего об этом сказал сам Ферроморт Красный Разрушитель, великий магистр ордо Синистер.

Презирай пехоту, если должен. Круши их ногами, не задумываясь о цене. Но не игнорируй их. Поля битв завалены обломками титанов, экипажи которых игнорировали пехоту.

Лют на собственном горьком опыте знал, как легко забыть, что эти суетливые существа способны причинить боль. Его бронированная шкура всё ещё несла шрамы от кислот, жёлчных ядов и желудочных соков роёв тиранидов, которые едва не сокрушили его в ночных ледяных лесах Беты Фортанис. “ЛУна Капиталина” заворчала, и он сердито отбросил воспоминания, когда почувствовал её недовольство. Никому не нравились напоминания о поражениях и меньше всего “Владыке войны” легио Сириус.

Он следовал за проблесковыми огнями на палубе по транзитному коридору, предоставленному благочестивыми логистами Механикус, направляя высокого титана к инертным колыбелям. “Капиталину” раздражала перспектива оказаться скованной, но Лют усилием воли предупредил её ограничить проявление ярости тихим гулом реактора и низким рычанием из военных рогов.

Посадочная палуба представляла собой колоссальное пространство, как и престало для богов-машин легио Сириус, почитаемых титанов, чьи прочные корпуса заложили в полярных храмах мира-кузни Верика-7. Десять инертных колыбелей располагались у дальней стены, огромные захваты, которые присоединят машины легио к “Сперанце” на время долгого путешествия среди звёзд — слишком много для оставшихся титанов Сириуса. Факт, что больше половины колыбелей останется пустыми, словно ножом резал внутренности Люта.

Уже просто ступить на борт столь древнего корабля, как “Сперанца” было честью. Люту и остальным из Сириуса надлежало славить столь древнее наследие. С каждым шагом “Луны Капиталины” он ощущал колоссальную мощь и непреодолимую силу в сердце ковчега Механикус. Возраст судна оказался безграничным, дух-машина титана знал это, как никто другой.

Только принцепс, воин столь тесно соединённый с Омниссией, мог и в самом деле понять живую душу этого корабля. Тысяча машин слилась воедино со “Сперанцей” благодаря технологии невероятного происхождения, которая простиралась сквозь туманы времени к эпохе, когда целые флотилии таких потрясающих судов бороздили звёзды во имя исследования и прогресса.

Эти машины стали частью “Сперанцы” и она стала частью их; единым растянувшимся гобеленом благоговейного познания, которое стало невероятнее и сложнее любого живого организма в галактике. Он чувствовал её невообразимый возраст, но сумел заметить и нескрываемую новизну. “Сперанца” оказалась пылким жеребёнком в теле стареющего коня...

Лют задумался, понимал ли кто-нибудь ещё на корабле это противоречие.

За ним двигалась остальная стая, сильно поредевшая в ходе фортаниской кампании. Принцепс Эрикс Скамёльд — Лунная Скорбь — управлял “Канис Ульффриком”, жаждущим битвы “Разбойником”, титаном с сердцем жестокого и не знавшего усталости охотника. За ним

попятам размашисто шли “Амарок” и “Вилка”, “Псы Войны” со злобным нравом и диким голодом. Гуннар Винтрас, принцепс “Амарока”, которого в легио называли Оборотнем, слыл одиноким хищником, всегда протестующим против уз стаи. “Вилка” была верным псом, который охотился, где желал его господин, и принцепс Элиас Хяркин, по прозвищу Железная Синь, был таким же спокойным и непоколебимым.

“Луна Капиталина” являлась связующим элементом, альфа-машиной, чья ледяная воля превращала их в воинское подразделение. Лют почувствовал приближение “Канис Ульффрика”, тот подошёл к задней четверти ближе, чем было необходимо или мудро. Спланированный вызов его власти, демонстрация желания Лунной Скорби возглавить стаю.

Лют повернулся в суспензии бака, оскалив зубы титана и подняв гребень. Одновременно плечи “Капиталины” напряглись, а из военных рогов донёлся рык закодированного военного языка. “Амарок” и “Вилка” опустили кабины, напоминавшие волчьи морды, и расступились, что заставило ближайших жрецов Механикус стремительно убраться с их пути. “Канис Ульффрика” остановился, чтобы ответить на вызов Люта из военных рогов.

По всей обширной ангарной палубе взревели сигнальные сирены, когда Лют повернул титан с предписанного пути. Вспыхнули сигнальные лампы, и позади его слепых глаз замерцало множество вопросов. Он проигнорировал их, сжал несуществующие кулаки, поднял руки и запустил в цикл автопогрузчики. Оружие было отключено от громадных магазинов с боеприпасами, но смысл жеста был очевиден и “Канис Ульффрика” отступил, покорно опустив плечи.

— Лунная Скорбь смелеет, — заметил модератус Коскинен, наблюдая за показаниями ауспиков, пока “Разбойник” возвращался на положенное расстояние.

— Он дурак, если считает, что готов стать альфой, — ответил модератус Ростен.

Лют понимал, что следует упрекнуть Ростена за такой комментарий, но с правдой не поспоришь. Знала это и “Луна Капиталина”. Он согласился с её стремлением ответить на вызов его власти, но не допустит подобного инакомыслия в таком святом месте.

— Я снова регистрирую повышение температуры плазменного деструктора, — сообщил Коскинен. — Похоже, “Капиталина” также не слишком довольна Лунной Скорбью.

— Выравниваю, — ответила магос Гирдрид с возвышавшегося трона в задней части кабины.

Лют почувствовал повышение температуры, но проигнорировал его, зная, что оно вызвано гневом “Капиталины”. Жар исчез, когда успокаивающий бальзам хладагента омыл кулак, распрямляя давно ампутированные призрачные пальцы, которые заменили комплектами механодендритов с серебряными контактами, дрейфовавшими подобно кончикам квидарий.

— Теплообменные батареи деструктора всегда были капризными, — сказал Ростен. — Я знал,

что эти обожжённые солнцем жрецы Джоуры не смогут понять, в чём дело.

— Они — компетентные жрецы, — возразила Гирдрид. — Дело не в батареях.

— Мои показания свидетельствуют об ином, — ответил Коскинен.

— При всём уважении, модератус, дух деструктора всегда был слишком вольным.

Лют почувствовал, как “Капиталину” разозлил пренебрежительный тон техножрицы. Гирдрид также ощутила её гнев и поспешно добавила. — Впрочем, я согласна, что скорость перезарядки деструктора более чем компенсирует это.

Коскинен усмехнулся. — Всегда дипломат, а, Гирдрид? — сказал он, возвращая внимание к мерцавшему перед ним тактильному экрану.

+Во время охоты стаи, сильный альфа — её сердце и душа. Сердце всегда должно оставаться самым сильным органом тела. Я всё ещё сильнее Лунной Скорби, и он знает это.+

Кабину заполнил голос Люта, резкие звуки, появившиеся из теней. Когда говорил принцепс, слушали все.

— Как скажете, Зимнее Солнце, — одновременно ответили модератус и техножрица, склонив головы.

+Мы ступаем внутри величайшего храма,+ продолжил Лют, позволив своему охотничьему сердцу добавить в модуляцию дикий рык. +Осознайте, что для вас честь даже само разрешение участвовать в этой экспедиции.+

Он почувствовал их раскаяние и вернулся на первоначальный курс. Раздражённо рыча, он отклонил мигающие предупреждающие символы, незримо плавающие в прозрачной жидкости, и шагнул к инертной колыбели, чей мерцающий ноосферный ореол указывал, что она предназначалась “Капиталине”.

Его ожидали выдвижные направляющие подъёмники и гравитационные амортизаторы, шипящие загрузочные порты, топливопроводы и ограничительные кольца широко распахнулись, встречая бога-машину.

Лют почувствовал приветствия тысячи бинарных душ, слившихся в единый голос, который обращался к нему и только к нему. Он увидел жажду исследования в сердце “Сперанцы”, пылкое желание покинуть этот мир железа и проложенные маршруты космоса. Словно зелёный принцепс “Сперанца” мечтала только о том, чтобы устремиться в неизвестное, плавать под светом солнц, которые никогда не освещали царство человечества.

Он знал родственную душу и услышал её радостный вой.

+У “Сперанцы” много волков в сердце+, — сказал он.

Пространство внутри Адамантиевого Кивория оказалось необычно скромным, обширное помещение не превышало мостик “Ренарда”. Робаут предположил, что стены тогда должны быть, по крайней мере, сто метров толщиной, если не больше, и задался вопросом, что за легендарные технологии работали в их пределах.

После портала тоннель сужался геометрическими шагами, Робаут понял, что они соответствуют золотому сечению. В конечном счёте, им пришлось высадиться и продолжить путь пешком. Седаны и БМП скитариев повернули назад, собираясь дожидаться их возвращения.

В центре Кивория располагалось овальное помещение, напоминавшее главный зал управления со ступенчатыми ярусами металлических скамеек, окружавшими с двух сторон идеально круглый стол. Стол оказался добрых десять метров шириной, его изготовили из клиновидных пластин, разделённых стальными вставками с гладким красным камнем, который можно было доставить только с одной планеты в галактике. Вдоль закруглявшихся стен стояли тихо гудящие инфомашины, а подключённые к загрузочным портам равнодушные сервиторы записывали собрание со всех сторон при помощи голографической аугметики.

Над центром стола висела небесная сфера из проволочной сетки и сверкающих драгоценных камней — старомодное изображение космоса древними астрономами Старой Земли. Магос Блейлок жестом предложил Робауту встать у незанятого сектора стола, а затем занял своё место в сопровождении низкорослых рабов, разместивших хитросплетение кабелей за спиной хозяина. Из-под мантии Блейлока развернулась щёлкающая машинная рука и скользнула в соединительный порт в нижней части стола. Зелёные глазные линзы замерцали от передачи данных.

Магос Тихон встал у свободного сектора слева от Робаута, а Линья подошла к одному из терминалов в стене за спиной отца, подключившись к системам судна осторожно выдвинутым штырём данных.

Вокруг стола расположились люди, представляющие различные части исследовательского флота, и старшие магосы “Сперанцы”. Робаут разглядывал лица мужчин и женщин, с которыми свела его судьба на время экспедиции.

Ближайший к нему человек был одет в парадную форму кадианского полковника, строгий ансамбль, которому удавалось одновременно выглядеть официальным и подходящим для боевых действий. Хотя костюм Робаута выглядел скромнее, чем у большинства вольных торговцев, с которыми он встречался, рядом с полковником капитан почувствовал себя пижонским щёголем. Что-то записывавшие в инфопланшеты адъютанты держались на почтительном расстоянии от своего командира, и Робаут уважительно кивнул полковнику, когда тот занял место за столом.

Напротив кадианца стояла чудовищно высокая фигура в терминаторской броне, тяжёлые пластины глубокого чёрного и бледно-кремового цветов не позволяли говорить о ней в простом человеческом масштабе. Расширяющийся крест на белом наплечнике указывал Робауту то, что тот и так знал. Это был космический десантник Чёрных Храмовников, и воин заполнял зал своей колоссальной фигурой. Благодаря громадному доспеху он напоминал скорее двуногий танк, чем человека. Генетически созданный за пределами стандартов смертных воин приветствовал прибытие капитана только лёгким кивком шлема-черепа.

Остальные секторы вокруг стола заняли магосы, группа облачённых в мантии жрецов, которые были, как минимум, столь же далеки от своего первоначально человеческого состояния, как и космический десантник. Некоторые, как Блейлок, оставили капюшоны поднятыми, и только тусклое свечение аугметики хоть как-то указывало на сенсорные аппараты под ними. Другие пришли с обнажёнными головами, впрочем, большинство из них давно заменили человеческие лица машинными дубликатами, пока поднимались в рядах Механикус. Один, похоже, и вовсе был не более чем частями мозгового вещества, распределённого между несколькими заполненными жидкостями стеклянными колпаками, соединёнными потрескивающими медными кабелями. Разные части магоса — или в колбах плавало больше одного человека? — располагались на шагавшем доспехе из броневого стали, напоминавшем преторианца без плоти.

Робаут не узнал ни одного из магосов, кроме того, что стоял напротив.

Архимагос-эксплоратор Лексель Котов был выше любого жреца в зале, его одеяние представляло собой переливающееся переплетение багровой кольчуги и рельефных пластин, которым придали форму человеческой мускулатуры. Робаут некоторое время рассматривал магоса, который поведёт их за пределы известной галактики в дебри космоса, где пропадали целые флоты. Он понял, что ниже шеи нет ни одной органической части и что тело полностью искусственное.

Механизированное тело Котова напомнило Робауту воинов-гладиаторов Румынийской империи из древней истории Старой Земли, впечатление усиливал длинный меч с электрическим клинком, свободно свисавший у бедра. Взгляд капитана привлёк горжет из чёрного металла, там заканчивалось последнее, что осталось от первоначального тела архимагоса, соединяясь с плечами автоматона. Из горжета вылетали струйки холодного воздуха, а зелёные индикаторные сигналы мигали с ритмичной точностью. С плеч свисал разноцветный плащ, за выбритым черепом виднелся чёрный стальной воротник, потрескивающий танцующим нимбом энергии, которая поступала из трёх металлических крио-цилиндров на спине.

Котов являлся высокопоставленным жрецом Адептус Механикус, и тем более казалось необычным, что его лицо всё ещё оставалось узнаваемо человеческим, хотя и посиневшим и испытывавшим нехватку солнечного света. Глаза необычного фиолетового оттенка весело рассматривали Робаута, и Котов радушно улыбнулся, когда Эмиль и Адара внесли стазисный сундук.

— Аве Деус Механикус, — произнёс он, кивнув Блейлоку и Тихонам, которые с большой торжественностью ответили на приветствие. Наконец архимагос повернулся к Робауту.

— Капитан Сюркуф, — сказал он. — С вашим прибытием все звенья нашего отважного флота, наконец собраны. Займите своё место за Ультор Марс, нашей связью со священным камнем Марса.

— Архимагос Котов, — ответил Робаут, церемонно поклонившись. — Мне очень приятно, наконец встретиться с вами лично. Приятно общаться с помощью манифольдных промежуточных станций, но это не заменит разговор лицом к лицу.

— Не вижу разницы. Манифольдные коммуникационные линии столь же эффективны. В любом случае теперь мы можем начинать. Устройство у вас?

Понимая, что спорить на каждом шагу с прямотой Механикус — напрасная трата усилий, Робаут сдержался, проигнорировав нарушение формальных условностей. Но стоит напомнить собравшимся техножрецам, что это совместная экспедиция.

Проигнорировав вопрос Котова, он повернулся к кадианскому полковнику и протянул ему руку.

— Робаут Сюркуф, вольный торговец и капитан корабля “Ренард”.

— Вен Андерс, — ответил офицер Гвардии. — Полковник 71-го Кадианского, рад видеть вас на борту.

Робаут заметил ироничное веселье в его глазах и узнал нескрываемую радость человека, что в командном составе экспедиции присутствует другой человек из плоти и крови.

— Капитан Сюркуф? — спросил Котов. — Разве вы не услышали мой вопрос?

— Услышал, — сказал капитан, — но я уже объяснил магосу Блейлоку, что предпочитаю знать, с кем имею дело, прежде чем приступить к любому начинанию. Глупо, я знаю, но ничего не поделаешь.

— Да, он уведомил меня о вашей навязчивой одержимости идентификаторами, — вздохнул архимагос. — Хорошо, вокруг Ультор Марс расположились по вращению шестерёнки старшие магосы “Сперанцы” и командиры приданных нам подразделений. Вы уже встретились с магосом Блейлоком, моим фабрикатус-локум. Следующий магос Сайиксек, магистр двигателей, магос Азурамаджелли, астронавигатор, магос Криптаэстрекс, логист, магос Дахан, ответственный за вооружение и секутор кланов скитариев.

Котов повернулся к громадному космическому десантнику. — А это...

— Я сам представляюсь, архимагос Котов, — произнёс космический десантник. — Я — реклюзиарх Кул Гилад из Чёрных Храмовников.

— Для меня честь познакомиться с вами, реклюзиарх.

— У тебя благородное имя. Ты из Ультрамара?

— Да, — подтвердил Робаут. — Я родился на Иаксе, это один из кардинальских миров.

— Удивлён, что гражданин Ультрамара стал вольным торговцем.

— Это длинная история. Возможно, я поведаю о ней во время нашего совместного путешествия.

— Капитан Сюркуф, устройство, если вам нетрудно, — сказал Котов, пресекая любой ответ, который мог дать Кул Гилад.

— Конечно, — ответил Робаут. — Эмиль, Адара?

Оба члена экипажа подняли стазисный сундук на стол и отступили, после благодарного кивка капитан. Он заметил восхищение мастерством, которое потребовалось для изготовления сундука, и несколько магосов увидев его, замигали и защёлкали, записывая копии.

— Необычный дизайн, — произнёс обезличенным голосом магос Азурамаджелли, его стальной корпус нагнулся, и многочисленные колбы с мозгом склонились над столом. Эстетика напоминает работу эльдар.

— Это потому что его изготовил певец кости эльдар, — пояснил Робаут.

— И как он у вас оказался? — спросил магос Дахан. — Акт пиратства или торговля?

— Ни одно из двух. Это — подарок.

— Подарок? — произнёс Кул Гилад, подавшись вперёд и поставив громадные кулаки на стол. — Я правильно понял, что ты добровольно якшаешься с ксеносами?

— Я — вольный торговец, реклюзиарх. Для меня обычное дело общаться с ксеносами.

Кул Гилад повернулся к Котову. — Вы не предупредили нас об использовании ксено-технологии.

— Не беспокойтесь, это всего лишь сундук эльдар, — сказал Робаут, положив руку на запирающий механизм. Всего лишь щепка призрачной кости, принявшая форму благодаря пению Ирландриара, который использовал имя Робаута, как основную ноту. Она

запульсировала теплом, узнав его прикосновение. Призрачная кость отреагировала на искреннее желание капитана открыть замок, и раздался тихий щелчок.

Робаут открыл сундук и вынул то, что стоило ему доброй половины трёхлетней выручки за доставку кобальта. Внешне катализатор экспедиции не представлял собой ничего особенного, бронзовый цилиндр, напоминавший артиллерийский снаряд, с плоской головной частью и гофрированной центральной секцией. Из отверстия в наружной обшивке безвольно свисали провода, а металл сильно пострадал от ржавчины и коррозии. Цилиндр опоясывали кристаллические наросты и не нужно быть металловедом Механикус, чтобы сказать, что он явно очень старый.

— Что это? — спросил Вен Андерс. — Какой-то маяк?

— Именно так, полковник, — подтвердил Робаут. — Это синхронизированный аварийный маяк, взятый из спасательной капсулы, которую выпустили с “Томиоки”, потерянного флагмана магоса Телока.

Хотя Котов, разумеется, рассказал остальным магосам о том, что принёс Робаут, они всё же отреагировали резким бинарным кодом. Отрывистый код разошёлся над столом и каждый аугметированный глаз заблестел при виде реликта, который и в самом деле принадлежал легендарному флоту, пропавшему за Шрамом Ореола. Робаут поставил маяк камень на столе перед собой, и центральная часть стола радужно засияла и открылась. Появились механодендриты, извиваясь подобно клубку змей и щёлкая зажимами. Они протянулись в воздухе и несколько механизированных щупов сомкнулись на корпусе маяка.

Каждый магос вокруг стола, если они ещё не сделали это, подключился к загрузочным портам Ультор Марс, когда информация потекла в когитатор в его центре. Свет в Кивории потускнел, а из невидимых воздухопроводов подудли порывы насыщенного маслами воздуха, словно сама “Сперанца” дегустировала знания, передаваемые маяком.

Котов нахмурился и сказал. — Ассемблерные коды Механикус маяка подлинные и соответствуют флоту Телока, но катушка с данными отсутствует.

— Отсутствует, — согласился Робаут.

— Журнал астронавигационных событий и ссылки на исходные значения удалили, — заметил магос Тихон. — Невозможно определить, откуда отправили спасательную капсулу. Без этого маяк бесполезен.

— Не совсем, — возразил Робаут, достав из кармана сюртука тонкий диск из прессованной меди, который покрывали вытравленные угловатые коды. — Информация здесь.

— Ты осквернил святой артефакт, — заявил Котов. — За подобное богохульство я могу казнить тебя на месте. Только посвящённым в тайны Культа Механикус позволено прикасаться к

внутренним механизмам благословенной машины.

— И именно это и произошло, — ответил Робаут, поворачиваясь к своему экипажу. — Я велел магосу Павельке изучить катушку, содержащую все местные звёздные ссылки о том, где потерпела аварию капсула и удалить её. Вы уже увидели достаточно, чтобы убедиться в подлинности маяка, поэтому я предлагаю всем успокоиться и готовиться покинуть орбиту.

— Зачем вы это сделали?

— Я провёл расследование и знаю, что вы не стали бы архимагосом Марса, если бы соблюдали каждую заключённую сделку.

— Что может помешать мне попросить реклюзиарха силой отобрать у вас диск памяти?

— Ничто. Правда, он очень хрупкий, и сомневаюсь, что вы сможете восстановить данные, когда я раздавлю его ботинком.

Окружавшие стол магосы содрогнулись от угрозы Робаута, шокированные самой мыслью уничтожить столь бесценное знание.

— Хорошо, капитан Сюркуф, какую плату вы ожидаете получить сверх той, о которой мы договорились, скрывая информацию от меня?

— Мне не нужно больше денег или технологии, если вы об этом. Я просто хочу получить возможность управлять “Ренардом” на переднем крае флота, как только мы окажемся на другой стороне Шрама Ореола и стать первым, кто встретится с тем, что там находится. Когда мы окажемся там, я с удовольствием передам вам диск памяти. Честное слово верного слуги Золотого Трона.

Робаут убрал диск в карман, увидев, что Котов понял, что у него нет другого выбора, кроме как согласиться.

— Итак, — сказал он, наклонившись и положив руки на красный камень стола. — Полный вперёд?

<http://tl.rulate.ru/book/30591/657020>